

УДК: [398.2 + 882] (09) (571.6)

Актуальные проблемы истории региональной культуры в диалоге исторической науки и культурологии

Лидия Евгеньевна Фетисова,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: lefet@yandex.ru

В статье рассматриваются различные возможности междисциплинарного подхода к изучению регионального пространства художественной культуры. На примере устно-поэтического творчества и литературы показана культуuroобразующая функция дальневосточной истории.

Ключевые слова: Дальний Восток России, история, художественная культура, фольклор, литература, культурно-антропологический, аксиологический подходы.

Current problems of the history of regional culture in the dialogue of historical science and culture studies.

Lydia Yev. Fetisova, Cand. Sc. (Philology), senior researcher, Institute of history, archaeology and ethnology of the peoples of the Far East, Vladivostok.

The article considers the various possibilities of interdisciplinary approaches to the study of the regional culture. It shows the cultural function of the far-eastern history based on the example of oral poetry and literature.

Key words: Russian Far East, history, fine arts, folklore, literature, cultural and anthropological approach, axiological approach.

Осознание культуры как «...особой реальности, как продукта истории и самой истории человека» [22, с. 41] явственно обозначилось на рубеже XIX—XX вв., однако самостоятельным объектом отечественной исторической науки история культуры стала лишь к концу XX столетия. Первыми на это обратили внимание историографы, поскольку именно они отслеживают появление перспективных направлений в научных исследованиях. Дальневосточный учёный д.и.н. Л.И. Галлямова считает возрастание интереса к проблемам культуры «характерной приметой времени», что, по мнению автора, объясняется, с одной стороны, недостатком внимания к ней в советский период, но с другой — осознанием значимости самой сферы культуры [3, с. 150].

В ряду тех, кто в числе первых преодолел ограничения ортодоксальной советской идеологии, необходимо назвать д.и.н. И.Г. Стрюченко. Своё понимание феномена культуры он изложил в небольшой, но ёмкой монографии «Культура и исторический процесс» [23]. Концептуальная идея учёного заключалась в рассмотрении исторического процесса сквозь призму культуры. Такой подход подтвердил свою эффективность в последующих региональных исследованиях [6].

В наши дни значение истории культуры как возможной субдисциплины возрастает, о чём свидетельствует особое внимание ведущих отечественных учёных к этой составляющей исторического знания. Прошедшая в апреле 2012 г. научная конференция «История — история культуры — историческая культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» стала уже пятой, посвящённой названной проблематике. Организаторами выступили Российский институт культурологии, отмечающий в этом году 80-летие, Институт всеобщей истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет. Цель юбилейной конференции была обозначена как «налаживание плодотворного диалога между историей, историей культуры и исторической культурологией». На наш взгляд, особого внимания заслуживают следующие проблемы, предложенные к обсуждению: «Культура — маргиналия или мейнстрим (главное направление. — Л.Ф.) исторической науки?»; «История в контексте культуры: память или политика?»; «Историческая культурология... — дисциплинарное пограничье в эпоху ломки границ» [18].

В связи с размыванием междисциплинарных границ расширяются возможности обогащения методологического инструментария. В частности, современная историческая наука всё чаще обращается к специфическим методам культурной антропологии [22, с. 125]. В исследованиях, посвящённых истории культуры Дальнего Востока России, эти методы применяются давно и достаточно успешно. В соответствии с ними культура рассматривается как особый способ жизнедеятельности человека, основанный на нормах, нравственных идеалах и эстетических представлениях, которые выработаны общественным сознанием. «Как вид человеческой деятельности художественное творчество определяется прежде всего тем, что его прямым результатом является возникновение новых, ранее не существовавших артефактов — произведений искусства» [13, с. 162]. Понятно, что при таком подходе в первую очередь рассматриваются сами явления культуры (прежде всего художественной) и во вторую — их институциональное оформление.

Методы культурной антропологии дают возможность обратить внимание на адаптационную функцию культуры, что особенно важно для территории позднего освоения. В ситуации проживания части этноса вдали от исторической родины приспособление к иной реальности идёт путём изменения не только своих потребностей, но и самой среды, т.е. происходит как адаптационное, так и адаптирующее взаимодействие с окружающей действительностью. «Культуротворчество» обладает определённой независимостью от среды; оно даёт возможность создавать комфортное

духовное пространство, в котором воплощается нравственная и эмоционально-ценностная сущность культурного наследия. Это положение, очевидное для традиционной народно-бытовой культуры, может быть с успехом применено и к анализу поздних культурных явлений, ориентированных на профессиональные формы европейского типа.

Полноценное освоение новых территорий невозможно без формирования регионального пространства культуры, которая должна стать «репрезентативной», т.е. активно разделяемой либо пассивно признаваемой большей частью социума [20, с. 458]. Репрезентативность культуры наиболее ярко проявляется в сфере художественного творчества, как индивидуального, так и коллективного. И здесь немаловажная роль принадлежит культуuroобразующей функции истории. Учёные всё чаще приходят к мысли, что историк имеет дело не столько с объективными фактами, сколько с их интерпретацией. Ранее считалось, что субъективное восприятие событий является прерогативой художественного мышления, в том числе фольклорного. В настоящее время оценка культурной интерпретации (как истинной, так и ложной) социально-исторических событий становится одним из перспективных направлений гуманитарной науки [25, с. 153].

Закрепление русского влияния на восточной окраине сопровождалось стремлением представить историю региона органической частью общероссийской истории. Как верно заметил А.М. Панченко, «в памяти нации есть люди-символы и есть события-символы»: Куликово поле, Полтава, Бородино и др. По мнению учёного, в России «...в качестве символа избирались не лёгкие, а тяжёлые победы: подвиг и жертва неразделимы» [16, с. 260]. С этих позиций могут быть рассмотрены основные события-символы и люди-символы, значимые как для Дальнего Востока, так и для страны в целом.

Культурно-антропологический подход к истории позволяет сосредоточить преимущественное внимание не только на фигурах признанных общественных деятелей, но и на так называемом «простом человеке». Несовпадение официальных и народных оценок особенно заметно при анализе произведений устного творчества, в основе которых лежат мифопоэтические архетипы. В фольклорном сознании учёные [4] выделяют мифологический и исторический уровни, которые не изолированы друг от друга, а находятся в отношениях взаимодействия и взаимовлияния. Феномен народной истории возникает благодаря переплетению исторического и мифологического. «Политический фольклор» от поколения к поколению передаёт представления о наиболее важных событиях в жизни страны, даёт оценку историческим деятелям. Однако следует иметь в виду, что народное сознание — отнюдь не монолит, отсюда неоднозначность, а нередко и противоречивость оценок, исходящих от разных индивидуумов и общественных групп.

По сравнению с традиционным фольклором исторической родины устное творчество новосельческой территории функционирует в ином историко-культурном контексте. В преданиях, бытовавших на Дальнем

Востоке, прошлое страны представлено главным образом сюжетами об известных военных конфликтах, поскольку именно в такие периоды происходило сплочение нации. В качестве врагов обычно выступают татары, турки или немцы (заметим, никогда — французы). В этих образах получила фольклорную реализацию этническая константа народного сознания.

Анализ новейших текстов несказочной прозы, записанных на Дальнем Востоке, свидетельствует о фольклоризации событий и героев текущей истории. Художественное осмысление российской истории, связанной с освоением дальневосточных земель, обогатило тематическую палитру отечественной культуры новыми сюжетами и героями. В коллективном сознании вначале утвердились представления о подвиге русских землепроходцев, об открытиях «Колумбов Росских» в Тихом океане, затем появилась информация о новых «событиях-символах», а также о «людях-символах», непосредственно связанных с этими событиями.

Высокая оценка их деятельности была обусловлена убеждённой уверенностью, что распространение русского православного влияния на восточные территории надо считать осуществлением «божественного промысла» [21, с. 102]. Со второй половины XIX в. у дальневосточников появились новые культовые фигуры, которые стали героями фольклорных произведений, со временем приобретших черты исторических преданий. К безусловным «лидерам» относятся адмирал Г.И. Невельской и генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв.

В некоторых устных рассказах используются расхожие, «бродячие» сюжеты, связанные с именем графа Муравьёва-Амурского. Это свидетельствует о его популярности и о «фольклоризации» личности. Например, один из старожилов с. Бибиково на Амуре рассказывал сибирскому фольклористу Л.Е. Элиасову: «Давно то было, при Муравьёве. У него служил дед мой, казак Бармин. Все его знали, от Байкала до Амура, за меткость в стрельбе. Муху на лету пулей снимал, комару в глаз попадал. Не верил этому никто. Когда такой слух до самого Муравьёва дошёл, он проверил Бармина. Бармин при нём в блоху попадал, а с комаром и думать ему было нечего...» [27, с. 357]. Другой потомственный амурский казак А.В. Проскуряков (1879 г.р.) сообщил Л.Е. Элиасову о следующем диалоге, якобы имевшем место между Н.Н. Муравьёвым и казаками: «„Какая польза будет мужикам от переселения?“». Муравьёв не шибко задумался, ответил: „Плата вам будет одна — рыба в воде, звери в тайге, хлеб на полях, скот в гуртах“» [27, с. 360].

Вместе с тем учёный отметил, что в ряде рассказов, записанных в 60-х гг. XX в., Муравьёву-Амурскому давалась негативная оценка. Ныне историки стали критически относиться ко многим архивным источникам, но, открыв для себя художественные тексты (особенно фольклорные), не находят нужным проанализировать материал на предмет соотношения с действительностью. Один из информантов Л.Е. Элиасова говорил ему: «В старых документах немного правды найдёшь, потому что их писали чиновники, а разве они всё доносили, как было! Вот что народ запомнил, — то истинно верно, та правда и помнится» [27, с. 356]. Однако

приводимые фольклористом тексты порой просто «взывают» к осторожности. Безусловно, идеологически заданной советской эпохой надо считать характеристику Н.Н. Муравьёва, которую даёт А.В. Проскуряков: «По сусалам давал — солдат свет терял: в кого наотмашь угодит — тот с ног летит, под горячую руку попадёшь — ног не унесёшь» [27, с. 360]. Неоднозначное отношение к личности самого известного генерал-губернатора Восточной Сибири сложилось ещё при его жизни и сопровождает его память на протяжении почти двух веков.

Фольклорные тексты сохранили имена людей, практически забытых официальной историей. Среди них казачий голова А.И. Бейтон, возглавивший оборону Албазина после гибели А. Толбузина (1686—1687); первый правитель русских владений в Америке А.А. Баранов; есаул П.П. Пузино, герой обороны залива Де-Кастри (1855); генерал Ф.Э. Келлер, погибший в 1904 г. во время русско-японской войны, и др.

На западе страны первоначально всё пространство от Урала до Тихого океана, называемое Сибирью, воспринималось как некий безграничный простор, являвшийся естественным продолжением Европейской России и вместе с тем некоторым образом противопоставленный ей. По мере освоения этой территории содержательное наполнение топонима «Сибирь» (включавшего и российский Дальний Восток) претерпевало существенные изменения. По мнению исследователей, со временем актуализировались такие признаки этого концепта, как «величие» и «могущество», закреплённые в государственной идеологии и отражавшие стереотипы имперского мышления. С XIX в. в массовом сознании на первый план выходит признак каторжной территории [9, с. 3—5]. Во второй половине XIX столетия этот признак распространяется и на дальневосточные земли, получая реализацию в фольклорных текстах. Самый известный из них — «Бежал бродяга с Сахалина». Сахалинская каторга была ликвидирована после русско-японской войны 1904—1905 гг., однако песня живёт до сих пор. Тема каторги и ссылки в русском художественном наследии приобрела особый исторический и культурный смысл, заняв прочные позиции в национальном менталитете.

Забываясь об исторической составляющей, нельзя забывать о полифункциональности такого явления, как культура. Концептуально важными остаются базовые положения учёных московско-тартуской школы, в частности тезис об информационной сущности культуры. По Ю.М. Лотману, «...переведение некоторого участка действительности на тот или иной язык культуры, превращение его в текст, то есть в зафиксированную определённым образом информацию, и внесение этой информации в коллективную память — такова сфера коллективной культурной деятельности» [12, с. 149—150].

Отличительной особенностью русской культуры является литературное осмысление важнейших событий отечественной истории. При этом оценки, предлагаемые «владычицей умов», становятся достоянием общественного сознания россиян. Анализ литературного творчества под таким углом зрения выявляет его информационную функцию, имею-

щую не только внутрорегиональное, но и общероссийское значение. Известно, что информационное освоение восточных территорий отставало от его практического освоения. В европейскую часть страны первые сведения об изменении восточных границ России поступали из документально-художественных источников и благодаря им утверждались в общественном сознании. Результатом надо считать формирование представления о евразийском статусе нашей страны.

По мнению Ю.М. Лотмана, Восток и Запад «...в культурной географии России неизменно выступают как насыщенные символы, опирающиеся на географическую реальность, но фактически императивно над ней властвующие» [11, с. 746]. Для западноевропейцев российское евразийство имеет мощную азиатскую «окраску», тогда как для россиян и жителей соседних азиатских государств наша страна — это, прежде всего, Запад на Востоке.

К середине XIX в. дальневосточная тема укоренилась в русской документально-художественной маринистике [8], героический пафос которой был обусловлен осознанием общенациональной значимости решаемых мореплавателями задач. Высокая оценка своей политической миссии роднит между собой столь разных авторов, как Г.И. Давыдов, Г.А. Сарычев, И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, В.М. Головин, Ф.П. Врангель, Ф.П. Литке, А.А. Лазарев, Л.А. Загоскин и др. Благодаря их публикациям информация о недавно открытых дальневосточных землях и сопредельных азиатских странах становилась достоянием широкого круга россиян, прежде всего представителей интеллектуальной элиты, т.е. людей, имеющих вес в общественной жизни. Реалистическое описание маршрута экспедиции, характерное для жанра путешествий, было также и возможностью узаконить право первооткрытия перед лицом мирового сообщества.

Не подлежит сомнению, что путевые заметки, очерки, дневники мореплавателей XVIII—XIX вв. обладали явными литературными достоинствами. Не случайно эти публикации сразу привлекли внимание широкой читательской аудитории. Однако приверженность их авторов фактам долгое время мешала критике оценить такие записки как образцы искусства слова определённой эпохи. В то же время для современного читателя с большими возможностями доступа к информации из других источников гораздо важнее культурная значимость этих памятников русской словесности. Творчество первопроходцев и первооткрывателей дальневосточных земель получило признание современников и остаётся в памяти потомков в значительной степени благодаря их вкладу в документально-художественное освоение Тихоокеанской России.

Заслуживает внимания факт, что с конца XX в. учёные-гуманитарии в поисках информации всё чаще обращаются к литературным источникам. Е.И. Филиппова отмечает: «Благодаря своим специфическим особенностям художественная литература обладает рядом преимуществ по сравнению с другими видами письменных источников» [24, с. 27]. Исследователь напоминает о существовании литературного направления

1860-х гг., получившего название «этнографическая беллетристика» и представленного именами Ф.М. Решетникова, В.А. Слепцова, И.Г. Помяловского, Г.И. Успенского. Для дальневосточников такое же значение имеют книги С.В. Максимова, Г.Т. Мурова, Н.П. Матвеева и др.

Благодаря художественному осмыслению частное историческое событие может стать культовым и войти в коллективную память нации. Показательным примером служат события русско-японской войны 1904—1905 гг., в которой Россия потерпела сокрушительное поражение. Однако гибель «Варяга» сразу нашла отклик в поэтической среде, причём не только в России. Наибольшую известность получили песни «Плещут холодные волны» на слова Я. Репнинского и «Наверх, о товарищи, все по местам» в переводе Е.М. Студенской [17, с. 320—321]. Оригинал второй песни принадлежал перу австрийского поэта Р. Грейнца и был опубликован 25 февраля 1904 г. в мюнхенском журнале «Jugend» [14]. Впоследствии обе песни получили широкое распространение и стали восприниматься как народные.

Гибель адмирала С.О. Макарова, с которым связывалось столько надежд на перелом в военных действиях, также воспринималась как трагедия. Даже гибель известного художника-баталиста В. Верещагина не получила столь широкого общественного резонанса. Более того, спасение начальника военно-морского отдела штаба командующего флотом на Тихом океане Великого князя Кирилла Владимировича, который вместе с Макаровым находился на броненосце «Петропавловск», представители оппозиционной интеллигенции отметили острыми сатирическими стихами [28, с. 408].

Большинство произведений, созданных дальневосточными авторами, надо рассматривать как художественно второстепенные, однако аксиологический подход, применяемый в философии и культурологии, даёт возможность оценивать явления художественной жизни, в том числе литературного творчества, не только с эстетических позиций, но и с точки зрения их ценности для формирования конкретного культурного пространства. Это положение представляется достаточно важным, поскольку сфера художественного творчества предполагает функционирование не только высоких образцов, но и произведений «второго порядка», которые и поддерживают непрерывность процесса. В локальных текстах русской литературы можно увидеть далёкий край глазами писателей-дальневосточников.

Основателем литературы Амурской области называют П.Ф. Масюкова (1848—1903), сборник стихов которого «Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья» вышел в Благовещенске в 1894 г. Это была первая художественная книга, изданная в области. Работа на Карийских золотых приисках дала автору достаточно материала для создания произведений о жизни каторжан. Карийские рудники, открытые в 1830-е гг., были собственностью царской фамилии. На разработку золотых россыпей направлялись каторжане, сначала уголовные, а затем политические. В 1890 г. после массовых самоубийств заключённых Карийская каторга была лик-

видирована, однако условия труда приискателей по-прежнему оставались крайне тяжёлыми. Стихотворение П.Ф. Масюкова «Горнорабочие после освобождения» легло в основу песни «Нищий», которая на востоке страны известна в нескольких народных вариантах. Обличительный уклон творчества поэта находил особую поддержку в среде политических ссыльных, проживавших в Благовещенске (С.С. Синегуб, А.В. Прибылёв, П.Д. Баллод) [10].

Современником П.Ф. Масюкова был Л.П. Волков (1870—1900), сотник 4-й сотни Амурского казачьего войска. Его первый сборник «На Амуре» вышел в Благовещенске в 1895 г. Стихотворения, написанные с 1888 по 1894 г., свидетельствуют не только о росте поэтического мастерства, но и внутренней зрелости автора, для которого судьба новосельческой территории неразрывно связана с историей России. Особенно показательны такие историко-эпические стихотворения, как рассказ участника одного из первых амурских сплавов («Дедушка Денисов»). Поэт размышляет о нелёгкой солдатской службе, об участи арестантов, отбывающих срок за совершённые преступления, о жизни наших соседей на правом берегу Амура [2, с. 52—56]. Завершает сборник написанная в 1894 г. «мини-поэма» о казаках-первопроходцах. В 1899 г. вышла вторая книга стихов Л.П. Волкова — «На Дальнем Востоке». Третий сборник (1902), куда кроме стихов вошли рассказы, очерки, фельетоны, увидел свет уже после смерти автора. В 1900 г., во время русско-китайского конфликта, Л.П. Волков погиб в сражении под Колушанами (деревня на берегу Амура). В творчестве поэта виден несомненный природный дар, к сожалению, не успевший по-настоящему раскрыться.

В начале XX в. амурская тема сделала популярным имя А.И. Матюшенского (1862—1931), ссыльного журналиста и издателя из Благовещенска, одного из авторов «гапоновской» петиции к царю. Его перу принадлежат романы «Взаимный банк», «Как я сделался богатым», «Фальшивые сторублёвки». Последний роман явился откликом на нашумевшее дело о фальшивомонетчиках, деятельность которых приобрела поистине международный размах. Судебное разбирательство проходило в Благовещенске в 1910 г. [26]. В 1912 г. сначала в газете «Амурский пионер», затем в газете «Благовещенское утро» печатался роман «Волчий след». Главы были подписаны различными псевдонимами (А. Седой, Юлия, Михай, Крапива, Фантом), но большая часть текста написана А.И. Матюшенским — редактором обеих газет [19]. Главные герои романа — контрабандисты, купцы, промышленники. За литературными именами легко узнавались реальные прототипы — Алексеевы, Семеровы, Косицыны. Не удивительно, что роман пользовался невероятной популярностью. Легковесный стиль фельетониста не позволяет высоко оценить художественные достоинства произведений А.И. Матюшенского, нередко определяемые критиками как «бульварная» проза [7, с. 106], тем не менее его творчество стало неотъемлемой частью региональной литературы.

Десятилетия сахалинской каторги и превращение региона в место ссылки привели к тому, что криминальная тема прочно вошла

в сюжетную палитру произведений, посвящённых Дальнему Востоку. Наиболее известны документально-художественные книги С.В. Максимова, А.П. Чехова, В.М. Дорошевича. У образованного и оппозиционно настроенного читателя получили высокую оценку «Колымские рассказы» (1896—1899) В.Г. Богораза о жизни ссыльно-поселенцев. Однако надо сказать, что у невзыскательного читателя большей популярностью пользовались повести сахалинского автора П.С. Уварова, который работал в должности секретаря полицейского управления в посту Корсаковском. Его книги издавались в Москве и Санкт-Петербурге под броскими заголовками: «Ванька-Каин» (М., 1904); «Аввакум-кровопийца» (СПб., 1905) и др.

Народовольца В.Г. Богораза (псевдонимы — В.Г. Тан, Н.А. Тан), в 1889—1899 гг. отбывавшего 10-летнюю ссылку на Колыме, после выхода в свет «Чукотских рассказов» называли открывателем темы древних народов, однако стоит напомнить, что эта тематика уже находила отражение в русской документально-художественной маринистике. Безусловно, В.Г. Богораз превосходил своих предшественников как в научном, так и в литературном отношении, но важен сам факт более раннего обращения к проблемам, определявшим своеобразие Тихоокеанской России.

Творчество литераторов из Южно-Уссурийского края привлекало жителей Европейской России прежде всего романтикой моря и тайги. Считалось, что суровые природные условия должны формировать особые свойства личности. Этим представлениям отвечало творчество морского офицера А.Я. Максимова (1851—1896). С 1874 по 1879 г. он прослужил в Сибирской флотилии, базировавшейся во Владивостоке; в 1894 г. вновь прибыл во Владивосток, где служил до дня своей кончины в должности помощника по строевой части командира порта. А.Я. Максимов написал ряд рассказов о жизни дальневосточников («Скиталец», «Поп Симеон», «Китобои», «Тюлений остров» и др.), которые печатались в таких популярных журналах, как «Нива», «Кругозор». В рассказе «Тюлений остров» писатель тяготеет к приключенческому повествованию, хотя сюжет — о гибели в 1899 г. шхуны «Крейсерок», охранявшей котиковые лежбища от браконьеров, — взят из жизни. В 1886 г. шхуна с экипажем из 23 чел. была выделена для охраны котиковых лежбищ. Осенью 1889 г. ими было задержано американское зверобойное судно «Роза», занимавшееся браконьерским промыслом у о-ва Тюлений. Конвоируя браконьеров, «Крейсерок» попал в сильный шторм и погиб. Спасти удалось лишь квартирмейстеру В.Н. Корсунцеву. Осенью 1897 г. во Владивостоке был установлен памятник экипажу шхуны [15, с. 78].

Оценивая творчество А.Я. Максимова, рецензенты почти единодушно утверждали, что наибольшей авторской удачей следует считать его этнографические зарисовки и бытовые очерки. Писатель и сам чувствовал, что главное достоинство его произведений в новизне материала. Он стремился познакомить читателей с природой Уссурийского края,

с нравами и обычаями инородческого населения, с трудностями, ожидающими русских промышленников, с малоизвестным бытом каторжан [7, с. 110—121]. Эта тематика, в которой нашло отражение историко-культурное и природное своеобразие Дальнего Востока, сразу вошла в творчество местных авторов и долгие годы оставалась сквозной для региональных писателей, обеспечив их творчеству прочные позиции в отечественной литературе.

Наиболее весомый вклад не только в культурную, но и в общественную жизнь южной части региона внёс издатель и литератор Н.П. Матвеев (1866—1941). За долгую жизнь он публиковался под разными псевдонимами — Гейне из Глуховки, Путник, Странник, Уссурийцев, Медуза, Краб, Трепанг, Дед Ник, но остался в памяти современников под одним из ранних псевдонимов — Николай Амурский. В 1896 г., будучи уже достаточно популярным у дальневосточников, он издал книгу очерков «Из прошлого Уссурийской тайги»; в 1901 г. выпустил сборник стихов, который разошёлся очень быстро; в 1903 г. его «Стихотворения, пародии и подражания» были опубликованы в Санкт-Петербурге. Однако настоящая известность пришла к Матвееву-Амурскому после того, как его «Уссурийские рассказы» вышли в Москве в издательстве И. Сытина (1904).

Колоритные образы обитателей городского «дна» запоминаются надолго. Среди них одноногий калека Афанасий Иванович, днём собирающий милостыню, а вечером пропивающий её с приятелем в каком-нибудь кабаке («Два друга»). По-настоящему трогает читателя рассказ «Экипажная ёлка». Такая ёлка устраивалась ежегодно для детей из бедных семей в канцелярии сибирского флотского экипажа. Матросы разыгрывали «Царя Максимилиана» и «Шайку разбойников»: «Мы были глубоко удивлены артистическими способностями представлявших матросов, мы долго про себя мурлыкали напевы, слышанные здесь, и иногда пробовали подражать и самим действиям» [1, с. 106]. Автор показывает жизнь во всём её многообразии, в том числе не скрывает неприглядной правды об охотниках-«мауза», которые грабили корейцев и китайцев, возвращавшихся на родину с заработком («Лебеди»). Столь же выразительны короткие зарисовки о бесправном положении городских «иробо» (так во Владивостоке называли корейцев). Для современного исследователя дальневосточной истории эти очерки нередко являются единственным источником, позволяющим увидеть объективную картину повседневной жизни восточной окраины на рубеже XIX—XX вв.

Художественное наследие дореволюционных авторов способствовало формированию объективного историко-культурного образа региона. Дальневосточную тему в искусстве слова (и фольклорном, и литературном) следует расценивать как важную составляющую отечественной культуры. Имея дело с явлением, которое относится к нескольким научным дисциплинам, нецелесообразно ограничиваться теоретико-методологическими подходами какой-то одной из них. Представляется, что наиболее эффективные результаты могут быть получены только при комплексном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Амурский Николай. Уссурийские рассказы. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1904. 228 с.
2. [Волков Л.П.]. На Амуре. Стихотворения Л.П. Волкова. Благовещенск, 1895. 74 с.
3. Галлямова Л.И. Актуальные проблемы современной историографии российского Дальнего Востока // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточно-азиатских цивилизаций: Пятые Крушановские чтения, 2006. Владивосток, 2008. Т. 1. С. 143—162.
4. Голованов И.А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX—XXI вв.) // <http://www.famous-scientists.ru> (дата обращения: 22.04.2011).
5. Дьяченко Б.А. Род Матвеевых // Забытые имена: История Дальнего Востока в лицах. Владивосток: Дальнаука, 2001. Вып. 2. С. 39—45.
6. История культуры Дальнего Востока России (XIX в. — 1917 г.). Владивосток: Дальнаука, 2011. 300 с.
7. Крившенко С.Ф. Дальневосточная тема в русской литературе конца XIX века. (Творчество А.Я. Максимова) // История культуры Дальнего Востока СССР XVII—XX вв.: Дооктябрьский период. Владивосток, 1989. С. 105—121.
8. Крившенко С.Ф. Плавать по морю необходимо. Русские мореплаватели в жизни и литературе: Документально-исторические очерки. Владивосток, 2001. 248 с.
9. Литовкина А.М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 26 с.
10. Лосев А.В. Порфирий Петрович Масюков: очерк жизни и творчества // Амур. Благовещенск, 2002. № 1. С. 50—69.
11. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство — СПб.», 2002. 768 с.
12. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. 376 с.
13. Махлина С.М. Язык искусства в контексте культуры. СПб., 1995. 217 с.
14. Памяти «Варяга» // <http://www.pravoslavie.ru/news> (дата обращения: 26.11.2009).
15. Памятники истории и культуры Приморского края: материалы к своду. [М.], 1991. 268 с.
16. Панченко А.М. О русской истории и русской культуре. М.: Изд-во «Азбука», 2000. 463 с.
17. Песни русских поэтов. Л.: Сов. писатель, 1988. Т. 2. 623 с.
18. Программа конференции «История — история культуры — историческая культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» // <http://www.culturalnet.ru/f/viewtopic.php?id=2383> (дата обращения: 2.05.2012).
19. Пушкарёв В. Найден волчий след // <http://www.gorod28.ru/kultura> (дата обращения: 26.11.2009).
20. Ритцер Д. Современные социологические теории. М.: Питер, 2002. 523 с.
21. Ромодановская Е.К. Сибирь и литература: избр. тр. Новосибирск: Наука, 2002. 390 с.
22. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
23. Стрюченко И.Г. Культура и исторический процесс: Этюды теории. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 112 с.
24. Филиппова Е.И. Художественная литература как источник для этнографического изучения города // Сов. этнография. М., 1986. № 4. С. 25—29.
25. Человек как субъект культуры. М.: Наука, 2002. 445 с.
26. Шиндялов Н.А. Большевик Мухин сбывал фальшивые рубли // <http://www.amurpravda.ru/artides/2008/02/29> (дата обращения: 26.11.2009).
27. Элиасов Л.Е. Приамурский фольклор // Приамурье моё: Проза. Поэзия. Искусство. Воспоминания. Публицистика. Благовещенск, 1970. С. 354—367.
28. Элиасов Л.Е. Фольклор Восточной Сибири. Ч. 3: Локальные песни. Улан-Удэ, 1973. 495 с.